

В.Г.Кротов

МАССАЖ МЫСЛИ

Виктор Гаврилович Кротов
**Массаж мысли. Притчи, сказки,
сны, парадоксы, афоризмы**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547656
ISBN 9785448326400*

Аннотация

Здесь собраны притчи и парадоксы, увлекающие в мир личностных проблем, к путям их решения. Произведения разных жанров объединяет лаконичность и парадоксальность. Автор различными путями – от иносказания до прямого определения – пытается пробиться вместе с читателем к важнейшим представлениям человеческой жизни. На это работают и метафорические сны, и притчи-эссе, и притчи-сказки. Этому посвящены и афоризмы из «Словаря парадоксальных определений».

Содержание

От автора	5
Кри-кри	7
Искусство просыпаться	8
Любителям парапсихологии	11
Наша осенняя роскошь	15
Борода дьявола	19
Свобода от борьбы за свободу	21
Должность учебного пособия	23
Обидно	26
Можно ли безнаказанно стать функционером?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Массаж мысли
Притчи, сказки, сны,
парадоксы, афоризмы

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-2640-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мир сказок, притч, снов может показаться большим маскарадом. В некотором отношении так оно и есть. Мы получаем возможность примерять на себя самые различные маски. Маски персонажей, наряды поступков, декорации ситуаций... Маскарад и есть маскарад. Но этот маскарад создаёт замечательные условия для внутренней работы.

Важнее всего для человека – ориентироваться в жизни. И важнее, чем ориентироваться в жизни внешней, – ориентироваться в жизни внутренней. Вот на эту внутреннюю ориентацию работают притча, сказка, парадокс. Они помогают там, где кончается власть логики, рационального мышления. Там, где обыденное пытается уговорить нас, что не существует иного.

Не будем путать притчу с басенной моралью, с назиданием. Притча – это маскарад, танец, кружение вокруг тайны. Шагнуть к тайне можно лишь за пределами слов. Это уже событие личной жизни, результат личного усилия.

Суть той работы, к которой располагают нас притча и парадокс, ярко проявляется, например, в жанре *коана*. Коан используют в обучении своих учеников мастера дзэн. Это очень короткое изложение ситуации, или её демонстрация, или даже просто вопрос, разрешающую концовку которого должен найти тот, кому коан предложен его духовным на-

ставником ради прорыва к истине, к озарению. Решение коана не является словесным, это не досказывание недосказанной истории. Это способность войти в предложенный тебе условный мир и вынести из него искру реального постижения, которое навсегда останется с тобой.

Если эти свойства мира притчи покажутся вам слишком замысловатыми, не огорчайтесь. Притча может вас развлечь, позабавить – наподобие анекдота. Это тоже неплохо. Так перебрался в анекдоты Ходжа Насреддин, который служил в суфийской традиции своеобразным учебным персонажем историй-притч, историй-коанов, помогающих передаче от учителя к ученику самого важного знания. Выйдя в широкий мир, он оказался вместе с тем и прекрасным фольклорным героем – для тех, кому этого достаточно.

То же самое можно сказать об афоризме и парадоксе. Их можно воспринимать через призму острология и радоваться игре ума. Но можно видеть в них призыв к собственной мысли – и выпускать её на свободу, обгоняя любые слова.

Кри-кри

Притчи-эссе

из книги «Этюды о непонятном»

«Этюды о непонятном» вышли в свет много лет назад, но до сих я получаю на эту книгу отклики. Здесь из неё взяты эссе, наиболее близкие к духу притчи.

Искусство просыпаться

*О проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!*

Басё

Учитель говорил: овладей искусством просыпаться — и овладеешь любым искусством.

Некоторые из нас понимают эти слова возвышенно. Они считают, что существует некое особое Просыпание, овладение которым дает человеку в руки связку ключей от всех тайн мира. Они правы. Но мне, сидевшему рядом с ними у ног Учителя, кажется, что нельзя преувеличивать пафос этих слов и преуменьшать их реальный смысл. Искусство просыпаться лишь открывает пути к любому другому искусству — из тех искусств, которыми собираешься овладеть.

Учитель говорил: проснуться можно и от самого глубокого сна, и от самого деятельного бодрствования.

Некоторые из нас считают, что речь здесь о том, что не существует такого уровня человеческого сознания, с которого невозможно было бы подняться выше. Они правы. Но мне, сидевшему с ними у ног Учителя, кажется, что в этих словах важно и другое. Деятельность сама по себе, оторванная от своего духовного смысла, особым образом усыпляет че-

ловека. Не этот ли беспокойный сон души сравнивает Учитель с глубоким сном тела?..

Учитель говорил: просыпаешься, как только захочешь, лишь бы не заснуть через мгновение снова.

Некоторые из нас подчеркивают здесь необходимость усилия, благодаря которому продлеваешь подлинное бодрствование. Они правы. Но мне, сидевшему вместе с ними у ног учителя, особенно дорого то, что нас пробуждает само наше подлинное желание – и порог всегда рядом.

Учитель говорил: не уставай просыпаться. Некоторые из нас и тут настаивают на значении усилия, на обязательности неумолимого его повторения. Они правы. Но мне, сидевшему с ними у ног учителя, эти слова радостны как раз утешением нашему слабосилию, которое то и дело уступает обволакивающей силе сна. Тёмная власть – усыплять. Наша светлая надежда – снова и снова просыпаться.

Учитель говорил: нельзя проснуться слишком рано, нельзя проснуться слишком поздно.

Некоторые из нас, руководствуясь этими словами, приравнивают позднее пробуждение раннему. Они правы. Но мне, сидевшему среди них у ног учителя, слышится здесь призыв поторопиться. Нельзя проснуться слишком поздно – это для тех, кто может не проснуться вовсе. Нельзя проснуться

слишком рано – для того, кто медлит с пробуждением.

Учитель говорил: проснись и от чар пробудившего тебя.

Немногие из нас, сидевших у ног Учителя, осмелились понять это поучение. Немногие из понявших решились следовать ему...

Да, я покинул Учителя. Я не жалею об этом, хотя живу слишком сложно, погружаясь то в убаюкивающую волну житейских радостей, то в тяжёлое оцепенение огорчений или усталости. Но я знаю вкус пробуждения. В какой бы момент оно ни наступило, где бы ты ни находился, чем бы ни был занят – у пробуждения вкус радостного утра. Ты веришь в свой час и в своё дело, свободный от себя самого. Сердце восходит, как солнце, освещая настоящую жизнь, и невозможно надышаться её чудесным ветром.

Учитель говорил: не горюй, что спал, если проснулся.

Любителям парапсихологии *(Эдвин Э. Эббот «Флатландия, роман о четвёртом измерении»)*

До того, как углубиться в дебри мистической литературы, до того, как предаться восторженным вибрациям над комментариями профессора Смирнова к переведённой им «Махабхарате», до того, как поверять экзотику восточного мышления строгой логикой западного, прочтите эту небольшую книгу. По недоразумению – вполне естественному – она издана редакцией научно-популярной литературы.

Действие этого увлекательного романа разворачивается в двумерном мире. То, что автору при этом удастся быть вполне реалистичным, подсказывает, что и наш с вами мир – увы – достаточно плосок. Впрочем, герой книги, умный и отважный Квадрат, видит во сне и совсем убогий мир – одномерный. Да-да, одномерный мир, совершенно не сознающий своей убогости, как показал разговор Квадрата с важной персоной Одномерия, бегающей по своей прямой, как косточка счётов по проволоке. Представитель одномерного мира оказался достаточно высокомерным (что случается сплошь и рядом), чтобы презреть все попытки Квадрата поведать ему о двумерности Вселенной.

Сон этот подготовил Квадрата, насколько возможно, к ярчайшему событию в его жизни, происшедшему на переломе двумерных тысячелетий (Эббот не затрагивает проблему времени, но почему бы и летосчислению не быть во Флатландии двумерным?). Перед Квадратом возникает удивительнейшее существо, растущее, убывающее или исчезающее прямо на глазах по своему желанию. Оно называет себя Сферой и уверяет Квадрата, что мир трёхмерен. На эту сцену необходимо обратить особое внимание тем, кто нуждается в обосновании возможностей ясновидения, целительства и прочих многомерных явлений, которые принято называть чудесами. Сфере ничего не стоит заглянуть в двумерно-запертые (и открытые сверху) ящики стола в кабинете Квадрата или узнать, что происходит в соседних комнатах за закрытыми (от кого?) дверями. Сфера может вынуть предмет из шкафа, не открывая этот шкаф. Она может коснуться изнутри желудка Квадрата. Она может исчезнуть, и тогда её голос раздаётся как бы в мыслях Квадрата. Даже умнице Квадрату трудно сразу примириться со всем этим. И тогда, не сумев преодолеть непонимание, Сфера вытаскивает двумерного жителя из его плоскостного мира!

И вот герой книги сам видит то, во что не мог поверить. Его взору открыт весь двумерный мир. Он видит *сверху* (хотя всё ещё не может понять, как это возможно) бумаги в ящиках своего стола, комнаты своего дома и домов своего города. Он видит скрытые сокровища недр двумерной зем-

ли и ещё более таинственные недра храмов двумерной власти... Мало того! Он видит трёхмерный мир, поначалу фантастический и невероятный для Квадрата. Постепенно выходец из плоскости проникается неведомой ему до тех пор гармонией и начинает чувствовать, что именно его прежний мир несуразен. Не скудным своим количеством измерений, а закоснелым отношением к себе самому, к жизни и к истине. Недаром Квадрат видит сверху поучительное событие: верховные жрецы Флатландии налагают запрет на бредовые идеи о трёхмерном мире, невзирая на появление среди них самой Сферы, воплощающей трёхмерность.

Однако наш славный герой умеет не только наблюдать, но и думать. Едва освоившись с новой Вселенной, он обращается к Сфере с просьбой – наивной и точной. Он просит показать ему четырёхмерный мир. Сфера опешила, она недоумевает. Какой такой четырёхмерный мир? И вот уже Квадрат смиреннейшим образом ее наставляет. Он рассказывает про увиденное во сне Одномерие, делится своими новыми переживаниями и спрашивает, наконец, Сферу: не было ли и в трёхмерном мире случаев столь же необъяснимых, как те, с которыми он, Квадрат, столкнулся, благодаря Сфере. Если же были (а Сфера этого не отрицает), то не свидетельствуют ли они о следующем, четвёртом измерении бытия? Но Сфера негодует, она твердит о беспочвенных иллюзиях и мистических выдумках: ведь все, кто заикается о четвёртом измерении, довольно быстро попадают в су-

масшедший дом. И вот простодушный Квадрат, не догадавшийся вовремя унять свою любознательность, сброшен обратно в свое двумерное жилище.

Разумеется, он не в силах был молча хранить в себе истину. Он написал трактат о тайнах трёхмерного пространства. И, разумеется, был вместе со своим трактатом своевременно и навсегда заключен куда следует. Финал чрезвычайно правдоподобен, как и вся эта столь абстрактная, казалось бы, книга.

Жизнерадостный математический ум увлечётся, возможно, идеей расширения многомерности до полного абсурда. Он будет вкладывать миры друг в друга, как диковинные матрёшки. Оставим его забавляться теорией.

Это роман о четвёртом измерении. Не о выдуманном двумерном мире и не о трёхмерном, слишком на него похожем. О четвёртом измерении как о нашей с вами способности воспринять необычное. Так его и читайте. Не обозначайтесь. Не примите за трёхмерное сочинение.

Наша осенняя роскошь

Так уж повелось, что в Центре переводов технической документации, где я работаю, мне стараются подsunуть те переводы, которые к технической документации не относятся. Я никогда не возражаю. Переводить «гуманитарную документацию» труднее, зато насколько интереснее! Вот, например, эти три рукописные странички – приложение к статье по геронтологии. Даже на ксерокопии видны обшарпанные временем края. Все три написаны одним и тем же, но поразительно меняющимся от листка к листку почерком. Автор не обозначен, но слог его подсказывает, что писал русский, что французским языком он владел прекрасно и что жил он лет за сто до меня.

«...Нет, не чувствую я в себе чрезмерного доверия к этим античным мудрецам, воспевающим старость. Что и говорить, старость богата урожаем многих десятилетий. Пережитое и увиденное, обдуманное и прочитанное, фразы, отточенные в разговорах, и поступки, не раз испытанные поведением, – всё это может составить большое человеческое достояние. В свои двадцать пять лет я нередко чувствую, как не хватает мне подобного капитала. Но взамен чего он дается человеку? Не служит ли он лишь утешением в бесчисленных потерях? И достаточно ли этого утешения? Вот вопросы, за-

ставляющие усомниться в полной искренности апологий старости, составленных старцами. Возможно, эти изящные словословия сочинены в краткие промежутки между жестокими приступами подагры. Возможно, эти благородные мысли возникли как необходимые подпорки для пошатнувшегося духа. Мне случается, правда, встретить в обществе старика или старуху, к которым сами именованья эти неприменимы; которыми восхищаешься и которым завидуешь. Но кто знает, что творится с ними за дверьми их покоев...

И всё же во мне нет страха старости, как нет и страха смерти, известного почти всем. Почему? Молодость ли опьяняет меня или, действительно, что-то важное и доселе неведомое мне таится в этой стране у горизонта?..»

«...Ну вот я и старик, если смотреть правде в глаза. Полвека – нешуточный срок. Судя по многим недомоганиям (а некоторыми из них я даже врачей не смею уже беспокоить), отозвать из этой жизни меня могут в любую минуту. Конечно, я позволяю себе ещё много такого, чего берегутся мои более благоразумные ровесники, но гордиться этим вовсе не расположен. Некоторые порывы постепенно угасают во мне отнюдь не по старческой немощи и не от душевной усталости. Только здесь, в сокровенном своём дневнике, осмелюсь я себе признаться: мне нравится быть стариком. Годы можно сравнить с гирями, отягощающими существование. Но эти гири, кроме того, позволяют взвесить всё,

с чем имеешь дело, и понять истинную весомость, подлинную цену. В юности я казался бы себе чародеем, если бы умел столь ясно, как сейчас, читать выразительные письма на человеческих лицах. Сейчас мне труднее увлечься человеком, чем раньше. Намного реже теперь я очаровываюсь женщиной или проникаюсь дружеским расположением к мужчине. Но насколько точнее и глубже стали эти редкие чувства. Сколькими безделушками обольщался я прежде, и нельзя удивляться тому, что их было куда больше, чем тех настоящих вещей, к которым я расположен нынче. Боли в пояснице, судороги в правой ноге, невозможность чревоугодия, слабое сердце – ни это, ни что-либо другое не кажется мне излишней ценой за подлинность жизни...»

«...Перебирая немногие бумаги, уцелевшие после всех потрясений, выпавших на мою, а точнее, на нашу общую долю, я нашел два листка из давних своих дневников. Теперь я старше тех двух возрастов вместе взятых. Но любопытнее всего, что обе записи посвящены старости, о которой я тогда столь мало знал, хотя кое о чем и догадывался.

Основной ошибкой моею было стремление оценивать старость, вычитая её беды из её преимуществ. Да-да, я вычитал там, где надо было складывать. Чтобы понять это, оказывается, надо было не только прожить свои годы, но и научиться жить ими. Раньше меня насильно влекло по течению времени. Сейчас я плыву в нём. Трудно болеть, трудно быть оди-

ноким, но значит чего-то я не отстрадал ещё в жизни. Я рад, что могу дострадать своё сейчас, видя смысл и свет в любом испытании, вместо того, чтобы глупо негодовать на мучения и бессилие, как негодовал раньше, как до сих пор негодуют два моих соседа по дому и возрасту.

А что касается капитала старости, о моё двадцатипятилетнее Я, то он неотделим в душе от капитала юности и капитала зрелости. Он и в самом деле окружает человека неведомой ранее роскошью – если суметь к этому времени распрощаться с влечением к роскоши другого толка. Немногие способны на это сами. Мне, неумехе, помогла Судьба (которую по-русски уже не принято, к сожалению, называть с большой буквы). Сегодня мне нашлось бы, чем дополнить добрые слова античных стариков о старости. Я говорил бы о ней, как о последней работе человека в жизни. Как всякая настоящая работа, она трудна. Как всякая настоящая работа, она отраднa работнику, если он настоящий работник...»

Борода дьявола

Вот какую притчу рассказывают дервиши.

Один почтенный старец, немало потрудившийся на ниве священного ислама, увидел сон. Является к нему шайтан и начинает над ним издеваться. Хоть бы искушать, а то просто-напросто издеваться. И над кем! – над ним, благоверным, пять раз на дню исполняющим намаз, и всё непременно лицом к Каабе. Ты, говорит, то-то и то-то. В моей дьявольской воле, говорит, то-то и то-то с тобой сделать. Ах так, думает праведник (во сне думает), погоди, нечистая сила. Думаешь, на чистую слабость попал, а я покажу тебе, позволительно ли святость позорить. Хвать за бороду врага рода человеческого – и ну таскать его, ну мутузить!.. Тут праведник и проснулся. От боли. Оказывается, он сам себя во сне за бороду дергал...

Если это притча о дьяволе, то лишь о том, что его существование реально только пока мы спим. Наяву, то есть в подлинной, окончательной яви, его не существует. Что же о несуществующем говорить, что же его бояться, а уж тем более с ним сражаться. Разве не означало бы это – таскать иллюзорного дьявола за его иллюзорную бороду? Выходит, что и сама притча ни к чему.

Не исключено, впрочем, что это притча о праведнике.

О том, что не должна праведность кичиться своим достоинством. Иначе шайтан за бороду дёрнет, да еще твоими же собственными руками. Но кичливая праведность – это уже вроде бы и не совсем праведность. А если так, то и говорить особенно не о чем. Мало ли греховодников на свете...

Или, может быть, здесь подразумевается что-нибудь абстрактное. Например, эгоизм человеческий. Стремление представить зло в стороне от себя, когда оно на самом деле изнутри действует. Но об этом можно было бы и прямо сказать, не для чего огород городить, выдумывать басню.

О чём же она – притча?..

Свобода от борьбы за свободу

Средневековая легенда

Сколько сил, сколько лучших своих сил отдал я тебе, неволя! Сколько лет – или столетий? – провел я в твоей угрюмой вселенной! Среди мрачных сырых стен, толщина которых неизвестна, быть может, никому, кроме меня. Обитатель тёмных подземелий, я привык видеть в темноте. Заторник скрипучих железных дверей, я научился успокаивать их визг, гнетущий душу и призывающий стражу. Я полюбил свои кандалы, потому что нельзя, не любя, столь нежно и незаметно подпилить их гладкие кольца, чтобы ни один человек не догадался об этом.

Мои надзиратели! Я жалел их всем сердцем. Они были всего лишь привилегированными узниками. Их крохотные преимущества были слишком ничтожной платой за утрату мечты о свободе, а мечтой этой обладали даже бессрочные арестанты. И стражи мои отзывались на жалость. Со мной они переставали быть зверьми и растерянно пытались вернуться к забытому по ненадобности человеческому облику.

А тонкости тюремных традиций! Вполне можно было бы назначить меня главным церемониймейстером нашей уединённой цитадели. Ни одна мелочь внутренних отношений не ускользала от моего внимания. Для меня не было речи

о справедливости и несправедливости, как для заносчивых новичков, пытающихся щегольнуть в тихом монастыре нашим привычками своей потусторонней жизни. Важно было одно: как принято, как установлено, как заведено. Ускользнуть из темницы законов и правил можно тогда лишь, когда знаешь их в совершенстве.

И вот я свободен. Я сумел бежать оттуда, откуда бежать невозможно. Мой побег был произведением искусства, подлинным и неповторимым. За мной даже нет погони. Здесь, среди этих живописных гор, где я могу найти и пищу в лесу и ночлег в пещере, сам воздух напоён дыханием свободы. Тропинка ведёт меня к хижине отшельника, уже показавшейся за поворотом. Этот мудрец, о котором я давно слышан, будет первым, кому я смогу открыто сказать: «Я свободен!». От чего ты свободен, брат мой, спросит он меня. И я поведаю ему всё о своей неволе, которую я победил, потому что овладел ею.

Он стоит у порога, и его приветливое лицо обращено ко мне. Здравствуй, здравствуй, говорю я ему, я свободен! Здравствуй, брат мой, отвечает отшельник, заходи в мое убогое жилище. Поешь, отдохни и поведай мне, для чего ты свободен...

Должность учебного пособия

Это было давно и не у нас. Это было в общине, где собрались люди, стремящиеся к духовному развитию личности. Общиной руководил, разумеется, мудрый наставник. Уезжая читать за океаном курс лекций о внутреннем совершенствовании, наставник этот оставил своей заместительницей одну из самых достойных женщин в общине. При всех он попросил её записывать в особый журнал все большие и малые происшествия с указанием нарушителей порядка. Вернувшись, он предложил зачитать журнал на собрании всей общины.

Главным среди нарушителей оказался единственный в общине подросток (много лет спустя он написал книгу, из которой и взят этот рассказ). Последнее место среди нарушителей осталось, естественно, за самой заместительницей наставника. Справедливость записей никто не оспаривал. Что было, то было.

После этого наставник рассказал о своей поездке. Он объяснил, что ему хорошо заплатили за лекции и что кроме основной суммы, идущей в фонд общины, он хотел бы часть денег раздать каждому персонально, руководствуясь изложенным состоянием дел. Первым он подозвал к себе подростка и вручил ему такую пачку денег, что все оторопели — особенно сам главный нарушитель. Другим возбудителям

конфликтов он тоже выдал премии, но всё меньше и меньше, так что последняя из премий, доставшаяся заместительнице, оказалась чисто символической. На этом собрание закончилось, и все разошлись в недоумении.

Больше всех недоумевал мальчик, которому было стыдно за доставшиеся ему бессмысленные деньги и который хотел понять, что всё это означает. С вопросом об этом он и пришёл к наставнику. «Деньги твои, – услышал он в ответ, – ты их заработал. Без конфликтов невозможно никакое внутреннее развитие. Конфликты, причиной которых ты становишься чаще всех, нельзя организовать нарочно, они многого стоят.»

Правда, будущий автор книги больше не гнался за таким доходом.

История эта – не индульгенция для хулигана. Она для тех, кто за любым поступком видит необходимость осуждения и кары. Она для всех нас, стоящих лицом друг к другу.

Может быть, эта история важна при взгляде не только на тех, кого воспитывают, но и на тех, кто воспитывает.

Несправедливый учитель! Невежественный учитель! Злой учитель! Сколько ещё можно произнести подобных кошмарных, но жизненных сочетаний. Они ужасны для нашего слуха – родительского, ученического или просто человеческого. И вовсе ужасно, если не ужасны.

Но и плохой учитель, плохой воспитатель оказывается –

не для оправдания его будь сказано – полезным. С его бессознательной помощью мы учимся тому, чему никто не научит нас сознательно. Учимся столкновению с властной несправедливостью, с торжествующим невежеством, с неуязвимым злом (и сколько там ещё этих кошмарных сочетаний?), с которыми нам придётся не раз встретиться в жизни. Это напряжённейшие участки полигона человеческих отношений, на котором испытывают себя детство и отрочество.

Но история эта – не индульгенция и для воспитателя.

Обидно

Совсем в древние времена или в менее древние времена моей молодости, или вовсе на днях это приключилось, или только будет ещё? И где? Под палящим магрибским солнцем, или на зелёной подмосковной даче, или в прямоугольной городской квартире?

Некто пришёл к важному для себя человеку – и кем был один из них, кем был другой? Искатель истины пришел к нашедшему? Смуглый юноша к седобородому шейху, или бледный очкарик к известному человеку, или акварельный мальчик к тому, чья книга затронула душу?..

Невозможно рассказать об одном, не всколыхнув имён и подобий.

И слова молодого были смутны и страстны. Он просил, как требуют. Он требовал, как умоляют. Он готов был к услужению и послушанию. Ему нужно было одно: истинный путь. Он знал, что начало его пути здесь, в этой комнате, у полуоткрытого окна. Он знал, что вправе умолять, требовать и надеяться.

И слова старшего были спокойны и ласковы. Он уклонялся, хотя казалось, что идёт навстречу. Он оставлял в одиночестве, хотя казалось, что предлагает дружбу. Он радовал и отстранял. Так или иначе, он отвечал: нет.

И когда молодой снова смог заговорить, обида и возмущение звенели в его голосе. Можно ли быть не тем, кем слы-вёшь! Есть ли что-нибудь в мире весомее помощи на духов-ном пути и позволительно ли отказать в ней!.. И долго ещё пришлось бы слушать хозяину негодующие фразы гостя, ес-ли бы не залетевшая в комнату птица.

Это был, наверное, едва окрепший птенец, иначе разве впорхнул бы он со всего разлёта в приоткрытое окно челове-ческого жилища. Он влетел и заметался, бросаясь от стены к стене и непонимающе пытаясь вырваться на свободу сквозь оконное стекло. Разве стал бы он медлить, устало замерев на подоконнике, как раз неподалеку оттуда, откуда влетел...

Растерянно замолк молодой. А старший вдруг выбросил вперед руки и резко хлопнул в ладоши – словно выстре-лил из ружья. В ужасе птенец метнулся от пугающего жеста, от страшного звука. И только в нужную сторону мог он мет-нуться, только туда отметала его неожиданность. Тут же ис-чез он в родном небе.

– Очень обижен был мой хлопок, не правда ли? – пробормо-тал старший и приготовился терпеливо дослушать поток упреков.

Можно ли безнаказанно стать функционером?

Да где же и обрести безнаказанность, как не там, где исполняешь предписанную свыше *функцию!*.. Легион своих функционеров Организация облакает в зеркальные доспехи неуязвимого безличия. Легионер-функционер всегда скрыт в тени или в ослепительном величии Учреждения, Фирмы или Конторы – той огромной или крошечной империи, которой он служит. Летящее в него копьё с бессильным звоном падает на землю. Скорее рухнет Организация, чем верно служащий ей функционер.

И всё-таки есть у функционера слабое место. Это – он сам, его человеческая индивидуальность. Или даже – страшно сказать – личность. Не так просто управиться с ней, особенно легионеру-новобранцу. К счастью, весь обиход Организации призван помочь ему в этом. Да здравствует панцирь пиджака, непробиваемый шлем прилизанной прически и забрало тщательно выбритого подбородка! Среди дотов письменных столов, в траншеях учрежденческих коридоров сразу узнаешь подлинного, перспективного функционера – по его незаметности, по его осторожной похожести на тех, чей облик служит ему ориентиром в настойчивом продвижении от маленькой функции к большой Функции. Да здравствует бессодержательное казённое красноречие и отточен-

ный стиль бюрократической бумаги, устранивший даже те своеобразные несуржицы, которыми пестрел стиль канцелярский!

Собственная личность всегда остаётся самым серьёзным врагом функционера. Лишь на вершине своей карьеры функционер может позволить себе слегка покрасоваться чем-то личным, но и оно должно быть примитивным, доступным пониманию и вожделению функционального окружения. Личность к этому времени должна быть укрощена полностью. Милое кокетство центуриона своей человеческой непохожестью схоже с небрежным самодовольством дрессировщика, который похлопывает по загривку льва, утомлённого подневольной жизнью. Поначалу же внутреннее укрощение личности может потребовать большого напряжения.

Если личность подчинит себе функцию, если личность начнёт руководить поведением функционера – вместо явных и тайных норм, бытующих в Организации, – судьба функционера решена. Он может до поры до времени оставаться на своём месте. Может снискать восхищение и почёт, наполнив свою функцию обаянием личности. Но это уже не функционер, и беззащитность его растёт день ото дня.

Негласная обязанность функционера – если не сразу истребить, то хотя бы пригасить в себе личность, подчинить ее функциональной традиции. Социальному организму нужны личности. Но социальному механизму необходимы функци-

онеры. Только их стараниями можно воссоздавать хорошо организованное общество, размеренно тикающее и синхронно дакающее.

Сила функционального начала несомненна. Оно осязаемое, конкретнее, чем начало личностное, оно общепризнано не на словах, а на деле. Оно располагает великолепным арсеналом званий и должностей. Оно сверкает погонями и наградами. Оно чаще всего вполне способно привести к единому знаменателю даже тех идеалистов, которые пытаются, овладев доспехами функционера, сохранить свои особые принципы и цели. Поначалу это будет для них мучительным процессом, но со временем они будут вынуждены признать пользу и неизбежность своего превращения. Лишь того, кому удастся, несмотря ни на что, овладеть функцией, не укротив в себе личность, постоянно будут сотрясать внутренние и внешние конфликты. То и дело придется ему страдать и терзаться их неразрешимостью, всякий раз причитая: «Ну что за наказание!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.